

Березовская Анастасия Васильевна

магистрант

Филиал ФГБОУ ВО «Ростовский государственный

экономический университет» в г. Кисловодске

г. Кисловодск, Ставропольский край

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЭТАП

Аннотация: в статье проводится ретроспективный анализ положений отечественной правовой доктрины по дискуссионным вопросам конструкции системы следственных действий. Исследуются мнения отечественных исследователей и практикующих специалистов в области правовых наук, представлен теоретический анализ по заявленной теме исследования, а также актуальные проблемы теоретического характера и пути их разрешения в обозримой перспективе.

Ключевые слова: следственные действия, уголовный процесс, уголовно-процессуальное право, предварительное расследование, дознание, доказательства.

Традицией отечественного уголовного судопроизводства является системный подход к следственным действиям. На разных этапах исторического развития этот кластер пополнялся новыми познавательными приемами, с учетом задач, которые ставились государством для противодействия конкретным посягательствам.

Первые упоминания о подобных способах познавательной деятельности мы находим в терминах «истцы», «суперники», «сутяжники», с упоминанием средств доказывания, которыми они пользовались «рота», «жребий» и поле, встречающимися в русских памятниках права. В этот период судопроизводство явно имело уклон в цивилистическую плоскость и носило частно-исковой характер. Процесс отличался состязательностью, с выделением стороны истцов. При этом спорящие могли доказывать свою правоту, через божественные ис-

пытания, с помощью воды, огня. Ордалии указывают на то, что отсутствовала причинно-следственная связь с предметом иска, все разрешалось по принципам суда Божьего [1].

Поводом к возбуждению производства были жалобы истцов или задержание виновника на месте преступления, а также наличие факта посягательства. Распространенной формой начала расследования был «заклич», выражающийся в назначении лица, принимающего на себя обязанность привести приговор в исполнение. В «Русской правде» отсутствуют четкие разъяснения по этому поводу.

Относительно доказательственной базы рассматриваемого периода можно лишь делать некоторые предположения, считая таковыми устные, письменные и свидетельские показания, а также улики (то есть материалы обвинения).

Тех, кто наблюдал обстоятельства события, и мог о них что-либо сообщить, называли «видаками». Кроме того, близки к современному пониманию свидетелей были «послухи», сообщающие об обвиняемом положительные факты. К ответственности могли привлекаться только свободные лица. Только при нужде допускалось ссылаться на «закупа» или боярского тиуна. В то же время в суде смерд считался равноправным участником процесса.

К доказательствам по уголовным делам в Киевской Руси относились признания, послухи, видаки, ордалии. Рота (присяга) давалась от имени высших сил, представляя собой клятву. Очевидно, что инициатива начала и окончания процесса исходила от сторон, а само решение суда было верbalным и достаточно формальным.

В целом можно констатировать неразвитость судебного доказывания, ограниченность его средств. В ситуациях полного отсутствия фактического материала, его заменяли присягой и испытаниями. При применении огня надо было прикоснуться к раскаленному железу, полученный ожог анализировали и делали вывод о возможной виновности. Когда применяли в качестве ордалии воду, что подозреваемого связывали и погружали в водоем. Если не тонул, то считался виновным.

Кроме того, в «Русской Правде» существовала особая форма выявления ранее утраченного имущества, называемая свод. О факте отсутствия вещи ее хозяин должен был сообщить публично на торгу. В случае ее обнаружения во владении другого лица, потерпевший имел право задать вопрос о том, откуда взят конкретный предмет [6]. Поиск вел сам пострадавший, который переходил от одного человека к другому, занимался осмотром, опознанием, за вину взимался штраф, с оставлением вещи у собственника [7]. Виновным считался тот, кто не мог назвать источник происхождения вещи.

Документы сохранили упоминание о таком процессуальном действии как гонение по следу. Сам термин показывает, что осуществлялся розыск виновного по оставленным им следам. За убитого общинника его сородичи обязаны были уплатить «дискую виру» – возмещение вреда или отдать его потерпевшей стороне. В случае, если след теряли, например, на дороге, то ведение поисков прекращалось.

Доносителей разрешалось пытать, если они под физическим воздействием сознавались в извете, это считалось достаточным доказательством.

Интерес представляет изучение процесса в Московском государстве, где действовали три нормативных акта, наиболее известными были Судебник 1550 г. и Соборное Уложение 1649 г. Согласно последнему предварительное следствие выражалось в производстве задержания подозреваемого. В ходе розыска допускалось применение пыток. Без всяких ограничений предполагаемого виновника истязали по посягательствам, направленным против государства. Широкое распространение получили разные виды обыска. В целом можно говорить о том, что процесс в это время имел инквизиционно-розыскной характер, а оценка доказательств была формальной, таковыми признавались только те средства, которые перечислялись в законе.

Несколько позже создаются специализированные органы расследования – Тайный приказ, занимающийся расследованием государственных преступлений и Преображенский приказ, который разбирал поступившие доносы силами гвардейских офицеров. При этом активно допрашивались свидетели и исполь-

зовались пытки. Необходимо отметить, что из числа доказательств была исключена присяга, ей больше не верили.

Обращение к истокам показывает, что изначально общих подходов к судопроизводству не было, ставилась задача розыска и поимки лихих людей. В 17 веке судья становится главным участником доказательственного процесса, активно используя такие средства как поличное, повальный обыск, собственное признание и пытка. В рамках перечисленных процедур широкое распространение получил опрос населения.

Знаковым является 1716 год, когда появилось «Краткое изображение процессов или судебных тяжеб» как приложение к «Воинскому уставу». В данном нормативном акте впервые упоминается об экспертизе. Речь идет о медицинских исследованиях трупа, когда определялась причина смерти. Встречаются указания на проведение исследований психики.

Признания подозреваемого добивались любой ценой, поскольку оно получило статус самого надежного из доказательств. От пыток были освобождены дворяне и чиновники с высоким статусом. При получении такого рода доказательств, исследованием других материалов не занимались [2], сразу же выносился приговор.

Особая роль отводилась свидетельским показаниям, поскольку в этом качестве привлекались только «добрые и бесспорочные люди», то есть те, чьим утверждениям можно было верить. Значение имело только то, что свидетель видел и слышал лично. Знатным особам разрешалось давать показания дома. Свидетелей дифференцировали по половой принадлежности, сказанное мужчинами имело приоритет, человек с состоянием признавался более важным свидетелем, духовное лицо считалось более правдивым, чем светское. Если показания давал один свидетель – это было половинным доказательством, только, если их было двое, доказательство приобретало статус полного.

Устав благочиния 1782 года в определенной последовательности располагал следственные действия, указывая какие из них целесообразно проводить непосредственно после обнаружения признаков преступлений, их именовали

первоначальными. Следствие начиналось с того, что свидетелей допрашивал частный пристав, он же проводил поиск других доказательств, включая письменные. Ему были предоставлены полномочия на задержание подозреваемого [13].

В 1802 году было образовано Министерство внутренних дел. Вместе с тем функцию предварительного расследования сохранили за земскими судами [3].

Свод законов Российской империи 1832 года в качестве способов собираания доказательств называет допросы, обыски, выемки, осмотры и экспертизы. Данные средства использовались как при проведении предварительного, так и формального следствия. Следствие осуществляла полиция, такой порядок сохранялся до 1860 г. [5].

Соответствующими полномочиями на местах наделялись становой, пристав, земский исправник и уездный стряпчий, соответствующие подразделения региональных судов [8]. В городах это входило в компетенцию частных или следственных приставов. Главным доказательством считалось собственное признание, при условии его добровольности и соответствия фактическим обстоятельствам [11]. Оно должно было приноситься непосредственно в суде или в полиции, то есть носить официальный характер.

Императорским указом 1860 г. были введены должности судебных следователей, которым свои полномочия в этой части передали суды [4]. Следователь считался служащим, который вел предварительное расследование, занимался сбором доказательственного материала, используя форму процессуальных действий. В этих целях он мог давать поручения полиции [9].

По Уставу уголовного судопроизводства 1864 года институт следственных действий рассматривался как упорядоченная комплексная процессуальная деятельность, с четкой последовательной нормативной регламентацией. Такой подход давал единый алгоритм проведения предварительного расследования, который выражался в осмотрах, освидетельствованиях, обысках, выемках и допросах [12, с. 27]. Законодатель предлагал специальный термин «генераль-

ное» следствие. Появляются упоминания о новых способах собирания доказательств – осмотре, очной ставке.

Перечень следственных действий не носил исчерпывающего характера, сама система отличалась громоздкостью, что создавало сложности в ее практическом применении [4]. Данная проблема продолжает сохранять свою актуальность по настоящее время. Вопрос о количестве следственных действий, критериях их деления продолжает быть предметом научной дискуссии [10].

Список литературы

1. Николаев В.В. Эволюция взглядов на понятие доказательства в отечественной доктрине уголовного процесса / В.В. Николаев // Молодой ученый. – 2018. – №47 (233). – С. 116–120. – EDN VMZSCC
2. Шавлак Д.В. История становления процессуальной самостоятельности следователя в отечественном уголовном процессе / Д.В. Шавлак // Молодой ученый. – 2020. – №20 (310). – С. 351–354. – EDN VZBWTH
3. Равко И.А. История развития дознания в уголовном процессе России / И.А. Равко // Научное образование. – 2019. – №3. – С. 51–59. – EDN HASNKQ
4. Расчетов В.А. Зарождение, формирование и развитие отечественных следственных органов: периодизация исторического процесса / В.А. Расчетов // Genesis: исторические исследования. – 2017. – №4. – С. 68–82. – EDN YKJSQR
5. Ланг П.П. Развитие правовых ценностей в историческом контексте правовых идей / П.П. Ланг // Российская юстиция. – 2021. – №1. – С. 7–10. – DOI 10.18572/0131-6761-2021-1-7-10. – EDN XZDUOG.
6. Ланг П.П. Правовая процедура как элемент юридического процесса / П.П. Ланг // Вопросы экономики и права. – 2013. – №58. – С. 63–66. – EDN QIWLTQD.
7. Ланг П.П. Ценность и экзистенция принципов права / П.П. Ланг // Евразийский юридический журнал. – 2021. – №6 (157). – С. 84–87. – DOI 10.46320/2073-4506-2021-6-157-84-87. – EDN MPGGRN.

-
8. Ланг П.П. Право на судебную защиту как конституционная ценность / П.П. Ланг // Вопросы экономики и права. – 2021. – №156. – С. 11–15. – DOI 10.14451/2.156.11. – EDN RCKYHY.
9. Ланг П.П. Правовая процедура и юридический процесс (теоретико-правовой аспект) / П.П. Ланг // Современные проблемы права и управления: 5-я Международная научная конференция: сборник докладов (Тула, 18–19 сентября 2015 года) / Институт законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации; гл. ред. И.Б. Богородицкий, отв. ред. Ю.В. Киселевич. – Тула: Папирус, 2015. – С. 80–85. – EDN UGIJCJ.
10. Ланг П.П. Соотношение и взаимодействие права и морали в регулировании общественных отношений / П.П. Ланг // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. №2А. – С. 172–180. – DOI 10.34670/AR.2021.71.85.023. – EDN ETSFCN.
11. Ценность права в условиях цифровой реальности / О.Ю. Рыбаков, М.А. Беляев, Ю.Ю. Ветютнев [и др.]. – М.: Проспект, 2024. – 312 с. – ISBN 978-5-392-40426-1. – EDN VWQLQY.
12. Анаева Е.А. Прокурорско-надзорный процесс как особая процедура в юридическом процессе / Е.А. Анаева, П.П. Ланг // Вопросы экономики и права. – 2016. – №92. – С. 25–30. – EDN WHGWLV.
13. Право на жизнь, здоровье, собственность: коллективная монография / Л.А. Андреева, В.В. Батин, К.В. Дядюн [и др.]. – Новосибирск: НП «СибАК», 2013. – 160 с. – EDN TZNUDT.